

На правах рукописи

ИВАНОВА Евгения Николаевна

**ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ
НОРМ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)**

На материале писем и распоряжений А. Н. Демидова

10.02.01 – «Русский язык»

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург
2008

Работа выполнена на кафедре русского языка и общего языкознания в ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Полякова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Саматова Елена Константиновна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

Защита состоится «___» февраля 2008 г. в __ ч. __ мин. на заседании совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620083, г. Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан «___» января 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

Общая характеристика работы

В истории языкознания категория «языковая личность» формировалась постепенно. Человек в языке мыслился отдельными, разрозненными представлениями о навыках говорения и слушания, основанных на психологии мышления; человек и его цели постулировались в качестве объекта лингвистического исследования (XIX – первая половина XX вв.). Во второй половине XX в. и, особенно в последние его десятилетия, языковая личность признана полноправным объектом лингвистики и сформированы модели языковой личности и разнообразные подходы к ее изучению. Феномен языковой личности широко изучается на современном этапе существования лингвистики, что связано с утвердившимся в языкознании принципом антропоцентризма.

Многогранность в определении языковой личности, а также связь ее с другими понятиями (личность, индивид, индивидуальность, национальный характер, художественный образ, стиль) зачастую допускает исследование с разных точек зрения, что приводит к появлению различных аспектов в ее научном освещении, которые в работах ученых могут выступать как комплексно, так и быть ведущими при изучении языковой личности.

Различные методики анализа языковой личности представлены в работах Ю. Н. Караулова, В. Д. Лютиковой, Е. В. Иванцовой, Н. А. Бурмакиной, Н. С. Бондарчук, Р. Д. Кузнецовой, В. П. Нерознак, О. Г. Калининной, Т. А. Букиревой, Т. С. Есеновой, В. М. Зайнуллина, Т. В. Кочетковой, Е. А. Крапивец, И. А. Малышевой, А. Б. Панькина и др.

В языкознании второй половины XX – начала XXI вв. существуют принципы исследования языковой личности в одном или в сочетании нескольких аспектов и подходов. Среди них актуальны структурный, текстовый, социологический, лингвокультурологический, коммуникативно-функциональный, прагмалингвистический, лексикографический и др.

При историко-лингвистическом подходе интерес исследователей определяется тем, что историческая языковая личность всегда принадлежит определенной эпохе, погружена в нее, связана с особенностями развития того или иного временного периода, в том числе и в истории языка.

В русле изучения исторической языковой личности лежит и настоящая диссертация, посвященная анализу *Акинфия Никитича Демидова* как языковой личности XVIII в.

XVIII век – один из интереснейших периодов в истории русского литературного языка. К этому времени назрел слом предыдущей пись-

менной традиции (традиции древнерусской книжности, формировавшейся под влиянием византийской и древнеболгарской культур), начали разрушаться прежние языковые нормы, а новые не могли сформироваться в один миг. Изучение процесса развития и нормализации русской письменной речи в XVIII в. невозможно без детального анализа письменных источников этого периода.

Актуальность нашей работы обусловлена несколькими моментами. Во-первых, письма и распоряжения А. Демидова еще не были предметом лингвистического анализа, хотя переписка Демидовых уже обращала на себя внимание исследователей¹. Во-вторых, в свете усиления антропоцентризма в науке важно описание различных типов языковых личностей.

Объект исследования – язык писем А. Н. Демидова.

Предмет – особенности языковой личности Акинфия Никитича Демидова (1678–1745).

Цель работы – охарактеризовать языковую личность в условиях становления норм русского литературного языка первой половины XVIII в.

Задачи исследования: 1) выявить графико-орфографические особенности текстов личности; 2) определить морфологические и синтаксические черты писем личности; 3) выявить лексико-семантические и стилистические особенности текстов личности; 4) на основании всех особенностей определить соответствующие предпочтения А. Демидова как языковой личности; 5) обозначить уровень языковой компетенции личности, связанный с ощущением и пониманием формальной, грамматической и стилистической нормы.

Материалом послужили рукописные тексты документов первой половины XVIII в., выявленные в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) и Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург) и предоставленные в наше распоряжение доктором исторических наук А. С. Черкасовой². Это письма и распоряжения первой половины XVIII в., выполненные писцами от имени Акинфия Никитича Демидова, дополненные и заверенные им. Самый ранний документ датируется 05.09.1703, самый последний – 24.02.1746. Выявлены письма за следующие годы: 1703, 1720–1724; 1726–1728; 1730–1735; 1737–1744; 1746 (дата составления копии). Число писем за

---

¹ См., например, *Викторова (Глухих) Н. В.* Лингвотекстологический анализ переписки заводчиков Демидовых с приказчиками уральских заводов конца XVIII – начала XIX вв. (по материалам Государственного архива Челябинской области): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1994.

² Эпистолярные источники хранятся в архиве Демидовского института (г. Екатеринбург).

каждый год неодинаково. Среди документов отчетливо выделяются два типа: I – донесения, прошения, челобитные в вышестоящие инстанции к вышестоящим адресатам; II – определения, инструкции нижестоящим адресатам. Тексты А. Демидова составляют 1510 архивных листов (с оборотом) того времени.

В работе применяются следующие *методы* исследования: *описательный* при рассмотрении единиц различных языковых уровней в текстах языковой личности; *сравнительный* при анализе лексического материала и особенностей словоупотребления в письмах А. Демидова и его старшего сына П. Демидова (вторая половина XVIII в.); *сопоставительный* при анализе вариантов языковых единиц; *статистический* при учете графических, орфографических, грамматических вариантов слов и словоформ, а также при подсчете частотности слов в лексиконе личности; метод *семантического анализа* лексики источника.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые осуществлен целостный анализ языковой личности в условиях становления норм русского литературного языка. Направление этого анализа задается со стороны языка, языковой нормы к личности. Историко-лингвистическое исследование основывается на архивных материалах, большая часть которых до настоящего времени не была опубликована.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Языковая личность манифестируется на всех языковых уровнях, однако с различной степенью свободы: минимальная степень свободы для проявления личностных качеств – графический уровень, максимальная – лексический. На морфологическом уровне языковая личность также скована грамматической нормой, являющейся следствием закономерностей развития языка.

2. А. Демидов на графическом уровне вписывается в рамки собирательного образа языковой личности первой половины XVIII в. Для него характерны выработка собственного почерка, слитное написание служебных частей речи, наличие графических дублетов и вариантов начертаний букв, непоследовательное использование заглавных букв.

3. На грамматическом уровне отмечается использование А. Демидовым грамматических архаизмов, вариантов аффиксов, характерных для различных стилей, синтаксических связей различных типов.

4. На лексическом уровне А. Демидов как языковая личность реализуется через использование многообразных лексических средств, демонстрирует определенные лексические предпочтения.

5. А. Демидов – прагматический тип языковой личности, что выражается в поиске им баланса между языковыми традициями и новациями, возникающими в языке в первой половине XVIII в.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она расширяет представления современных лингвистов о языковой личности, особенностях ее проявления на различных языковых уровнях, а также о процессе формирования норм русского литературного языка.

Практическая значимость. Результаты и выводы работы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русского литературного языка, палеографии, в спецкурсах и спецсеминарах по исторической лексикологии, историческому синтаксису, истории письма. Материалы исследования могут быть привлечены в качестве дополнительных материалов к Словарю русского языка XVIII в. и при составлении словаря личности А. Демидова.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (2006, 2007 г.). Основные положения диссертации и результаты исследования были изложены автором в докладах на Пятой Международной Демидовской Ассамблее (21–22 сентября 2001 г., Москва); региональной научной конференции «Демидовы и культура», посвященной 150-летию Демидовской заводской библиотеки (15 декабря 2004 г., Екатеринбург); научной конференции кафедры русского языка и общего языкознания (21–22 февраля 2005 г., УрГУ, Екатеринбург).

Структура работы. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список использованной литературы и словарей и четыре приложения. Общий объем работы – 270 с., из них 104 с. составляют основной текст.

Основное содержание работы

Во **введении** раскрываются научные достижения в изучении языковой личности, отмечаются подходы к исследованию и анализу различных типов языковых личностей; обосновывается актуальность выбранной темы, объекта и предмета исследования, определяются цели и задачи работы; раскрывается научная новизна диссертации, ее теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; описывается текстовый источник, методология и структура исследования.

В **первой главе «Графика и орфография писем А. Демидова как отражение языковой личности XVIII века»** анализируется отношение автора к формальной норме на основе выявленных в текстах его графических и орфографических предпочтений.

Именно в XVIII веке каждый грамотный человек чувствовал необходимость определиться в своем отношении к тем новациям в области

языка, которые принесла с собой эпоха Петра I. Принять новый алфавит или следовать традиции – вот вопрос, который стоял перед языковой личностью первой половины столетия.

При графическом и орфографическом анализе мы учитываем в первую очередь собственноручные записи самого заводовладельца (хотя число их чрезвычайно ограничено), но привлекаем и все зафиксированное писцами с голоса А. Демидова. Такой подход не является контрастным (слишком мало материала для сравнения), но позволяет составить некий собирательный образ: ведь писцы – также представители своего времени и носители данной языковой нормы, в том числе графической и орфографической.

Далее в таблице указываются основные графические черты, характеризующие А. Демидова и писцов:

<i>Графическая черта</i>	<i>Отмеченные и у А. Демидова, и у писцов</i>	<i>Только у А. Демидова</i>	<i>Только у писцов</i>
наличие графических дублетов	<i>i // u, ѳ // e, ѱ // o, Ѱ // y</i>	–	<i>s // z, ѳ // ф, оу // y</i>
использование буквы <i>э</i>	–	–	+
обозначение полугласного <i>й</i> (на месте совр. буквы <i>й</i>)	<i>i, u</i>	–	<i>і</i> , надстрочные значки разных типов: в виде дуги (<i>ѳ=ой</i>), точки, паерка
непоследовательное написание <i>ь</i> в середине и конце слова	+	–	–
непоследовательное использование <i>ь</i> для обозначения мягкости согласных	+	–	–
наличие связанных написаний	+	в ограниченных позициях	значительное число
виды сокращений	используется титло	–	буквенные, слоговые
слитное написание служебных частей речи	+	–	–
буквенное обозначение цифр	–	–	+

непоследовательное использование заглавных букв	+	–	–
использование пунктуационных знаки	–	–	точка, запятая, двоеточие, скобки
наличие исправлений в тексте	–	–	Слово берется в рамочку и/или зачеркивание

Некоторые из перечисленных черт скорописи Демидова и его писцов восходят к скорописной традиции XVII в. Это использование титла для сокращения слов, наличие большого числа вариантов начертаний букв и соединений между буквами, а также знаки препинания «точка» и «запятая».

Материал писем дает возможность определить следующие графические предпочтения А. Демидова как языковой личности:

1) наличие графических дублетов: *i // u* (*в @ли / вели*), *@ // e* (*ж @леза / жел @за*), *ω // o* (*заводъ / заводъ*), *ʒ // y* (предлог *ʒ / y*);

2) отсутствие новой буквы – э (*ефесный*);

3) использование *i* и *u* вместо *й* (*Акинфеi, той* вм. *той*);

4) сохранение традиции использования **ѣ** на конце и в середине слов (*вашѣ, гуляѣ; мочѣна, плавильны*);

5) весьма непоследовательное использование **ь** для обозначения мягкости согласных (*печѣках, ерьмахарских*; но: *денги, писмо* и под.);

6) использование сокращений (с помощью знака титло: *виѣ – ваш, сѣ – сын, гѣдря – государя*);

7) слитное написание предлогов, союзов и частиц со словами (*осемь – о сем, иневелитѣ – и не велит, даия – да и я и др.*);

8) отсутствие буквенного обозначения цифр;

9) непоследовательное использование заглавных букв (*аганѣ / Аган, Акинфеi*);

10) отсутствие знаков препинания;

11) отсутствие исправлений в тексте.

А. Демидов вписывается в рамки собирательного образа языковой личности первой половины XVIII в. По сравнению с писцами у него количественно меньше особенностей, которые могли бы быть выявлены при условии увеличения его собственноручных текстов. (Например, буквенное обозначение цифр или знаки препинания и даже буква э могла бы встретиться в других словах). А. Демидов, как и писцы, обладает индивидуальным почерком, в его письменном оформлении обнаруживаются графические дублеты и варианты начертания букв, непо-

следовательное использование заглавных букв, слитное написание служебных частей речи со знаменательными, а также отмечается большое число графических вариантов.

В области орфографии исследуются принципы (подходы) к написанию слов. Больше внимание уделяется фонетическим написаниям, поскольку именно они характерны для «орфографического состояния русского языка XVIII в.»³. Среди фонетических написаний гласных в текстах А. Демидова отмечается аканье (*адну*, предлог *ва*) и еканье (*по пети*, *натенуть*, *десеть*). Написание @ становится орфографическим, так как @ утратила особое звуковое значение. В области написаний согласных зафиксировано оглушение / озвончение (*скаски*, н @р @тка / збор, збирать и др.), упрощение групп согласных (*чиски* вм *чистки*, *жески* вм. *жестки* и др.). В ряду современных орфограмм рассматривается правописание приставок на -з- / -с- (*возвращение*, *возпоследовать*, *воспретить* и под.), а также написание приставок на -з- / -с- и корней, начинающихся с -и (*возиметь* / *возыметь* и под.), сочетание шипящих и йотированных / нейотированных гласных (-чю- / -чу, -щю- / -щу, -чя- / -ча-, -ща-), шипящих и ц в сочетании с гласными -и- / -ы- (-жи- / -жы-, -ши- / -шы-, -ци- / -цы-), а также отражение на письме буквосочетаний -чн- / -ин- (*ясачный* // *ясаинный* и под.).

Можно утверждать, что А. Демидов владел определенными орфографическими навыками: имел самое общее представление о принципах написания слов (в результате какого бы то ни было, но обучения грамоте) и более частные представления о правилах написания конкретных слов и их форм. Среди его написаний значительное число морфологических (приблизительно половина), фонетических (чуть менее трети), формируются и традиционные.

В орфографии документов, направляемых в вышестоящие инстанции, отмечается большее число верных написаний слов с @ и соответственно меньше гиперкорректных.

А. Демидов как языковая личность на уровне графики и орфографии обладает минимальной степенью проявления личностных качеств, находится в зависимости от формальной нормы, которая в XVIII в., особенно в первой его половине, в период своего формирования, предоставляла определенную свободу пишущему. А. Демидов стихийно придерживается морфологического принципа, обладает языковым чутьем, позволяющим видеть ему тождество морфем в однокоренных словах.

---

³ Григорьева Т. М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.). М., 2004. С. 33–34.

Во второй главе «Морфология и синтаксис писем А. Демидова как отражение языковой личности XVIII века» исследуется отношение автора к грамматической норме на основе выявленных грамматических особенностей и предпочтений.

Грамматические особенности текстов, без сомнения, принадлежат А. Демидову, поскольку трудно предположить, чтобы писец редактировал диктуемый текст, изменяя форму слов, их сочетания или порядок.

Необходимо определить, в какой мере морфологическая система исследуемого памятника первой половины XVIII в., выполненного определенной языковой личностью, сохранила черты предыдущего этапа исторического развития русского языка. Мы учитываем и новые формы, которые зафиксированы в текстах А. Демидова. Это тоже важный показатель формирования и существования грамматики языка в целом.

Определенная диалектика состоит в том, что различные личности для создания своих индивидуальных текстов пользуются неким сложившимся инвариантом грамматики, поэтому находят в зависимости от грамматической нормы. Материал писем дает возможность определить морфологические предпочтения А. Демидова как языковой личности:

1) наличие морфологических церковнославянизмов (в окончаниях имен прилагательных и местоимений, изменяющихся по родам (ед. ч.: **-ый/-ий**, **-аго/-яго**, ж.р. дат. п. – **-еи/-ии** (*ко святей, по божи*)), м. р. тв. п. **-имъ** (*божиимъ*); мн. ч. им. и вин. п. – **-ья/-ия**); род. вин. пад. ед. ч. ж. р. **-ея** (*тоя, нашея*); формах личных местоимений (в род. и вин. п. – *мене, тебе, себе*); суффиксе инфинитива **-ти**; суффиксах степеней сравнения прилагательных и наречий (**-ея**, **-яя**), суффиксах причастий (**-ащ/-ящ-**, **-ущ/-ющ-**);

2) наличие морфологических архаизмов в написании сложных числительных; в образовании глагольных форм – инфинитива, личных временных, залоговых и видовых отношений; в использовании древних предлогов и союзов);

3) использование морфологических архаизмов для создания стилистически выделенных фрагментов текста или текстов;

4) варианты архаических и новых форм (прошедшего времени аориста, имперфекта и перфекта с опущенной связкой; будущего сложного II и будущего простого и сложного)

5) наличие архаических и новых вариантов окончаний (существительных ед. ч. **-а/-я** // **-у/-ю**, **-ою/-ею** и **-ой/-ей**; мн. ч. **-ом/-ем** и **-ам/-ям**, **-ы/-и**, **-ьми** и **-ами/-ями**, **-ох/-ех** и **-ах/-ях**; прилагательных ед. ч. **-ый/-ий** и **-ой/-ей**, **-аго/-яго** и **-ого/-его**; мн. ч. **-ья/-ия** и **-ье/-ие**; личных и

возвратного местоимений: *от мене/от меня, от тебе/от тебя, от себе/у себя*; местоимений, изменяющихся по родам: ж. р. *тоя/ту, -ея/-ей наша/нашей*), суффиксов (сравнит. степень прил. и наречий: *-яя/-ея и -ее, -ей*; инфинитива: *-ти* и *-ть*);

б) наличие новых форм (с суффиксами *-уц/-юц, -ац/-яц* – причастия, а с суффиксами *-уч/-юч, -ач/-яч* – прилагательные); настоящего времени).

Соотношение выявленных в письмах А. Демидова вариантов окончаний можно представить в следующей таблице. Рассмотрению и учету подвергаются окончания в тех падежах и / или числах, где отмечается, во-первых, взаимодействие окончаний различных исторических типов склонения в рамках одного современного и, во-вторых, варьирование форм в текстах А. Демидова:

Падеж	Окончания в единственном числе по данным текстов Демидова	Количество вариантов (в процентах к общему числу употреблений)	Окончания во множественном числе по данным текстов Демидова	Количество вариантов (в процентах к общему числу употреблений)
Родительный	<i>в м. р.:</i> -у/-ю -а/-я	55 % 45 %	Варьирование близко современному	–
Дательный	Варьирование близко современному	–	-ам/-ям -ом/-ем	75 % 25 %
Творительный	<i>в ж. р.:</i> -ею/-ою, -ой/-ей	98 % 1,5–2 %	-ами/-ями -ьми -ы/-и	55 % 25 % 20 %
Предложный	<i>в м. р.:</i> -у/-ю -е/-и	18 % 82 %	-ах/-ях -ех	58 % 42 %

Таким образом, морфологическая система в текстах А. Демидова сочетает архаические и новационные элементы, характерные для первой половины XVIII в. и нашедшие отражение в грамматике М. В. Ломоносова.

По данным текстов возможно обозначить синтаксические предпочтения А. Демидова как языковой личности:

1) синтаксические архаизмы (в предложных и беспредложных конструкциях на уровне словосочетания; повторение предлогов и союз *а* в начале предложения);

2) варианты архаических и новых функций (употребления деепричастных форм в функции сказуемого и обстоятельства; предложное управление (*на* + вин. п. и *для* + род. п.); союзы *дабы* и *чтобы, аще и ежели, если, яко и чтоб, сиречь* и *то есть*);

3) использование союзной связи и бессоюзной, в рамках союзной – сочинительной, подчинительной;

4) построение предложений и конструкций различных типов на основе синтаксических связей и схем предложений в зависимости от авторской необходимости;

5) ввод чужой речи с помощью частицы *де*: *И'помянутой салдат Немировъ со'оной горы прислалъ к'намъ сего июля 1-г дня писмо в'котором показалъ понеже'де 29 дня минушаго'ж м[е]с[я]ца июня в'деревни де Лен @вки вышеписанного доменного мастера Данилу Кокорина убиль до'смерти Арамашевской слободы крестьянин Сергей Мироновъ незнамо за'что (02.06.1726);*

6) большой объем высказывания-предложения (минимальное членение текста на абзацы);

7) односоставные (глагольные) предложения как примета разговорной речи;

8) ассоциативная связь между членами предложения (отрыв подлежащего от сказуемого: *мы зд @с чрез крестьянина нашего Тихона Холодова получили сего ноября 19 числа... (25.11.1732), согласованного определения от определяемого слова: с протчими тово села крестьяны (1723)).*

В синтаксисе писем А. Демидова отмечаются архаические и новые черты, но при этом авторский синтаксис более новационен (по сравнению с морфологией), связан с живой разговорной традицией.

В третьей главе «Лексикон и особенности словоупотребления в письмах А. Демидова как отражение языковой личности XVIII века» выявляются лексические предпочтения и стилистические особенности для анализа авторского отношения к лексической и стилистической норме.

Лексика – такой уровень языка, где языковая личность проявляется наиболее ярко и ее творческие способности могут реализоваться в полном объеме благодаря специфике организации этого уровня – множественности сложных элементов, обладающих лексической семантикой и структурой. Выбор разнообразных лексических средств, понятие об их сочетаемости, об условиях и ограничениях использования тех или иных слов, а также знание особенностей функционирования лексем в тексте свидетельствуют об определенном уровне компетенции языковой личности.

Исследование лексикона выигрывает при сравнении его с другими. Особенно важно, когда речь идет о современниках и людях одной социальной группы, так как становится возможным обнаружить и проследить общие закономерности в использовании языковых средств близкими родственниками. В нашем распоряжении имеются письма старшего сына А. Демидова – Прокофия Акинфиевича Демидова. В отличие от писем А. Демидова они составляют преимущественно частную переписку с сыновьями, дочерью, зятем. Первый документ П. Демидова датируется 1740 г., последний – 1786 г. Объем его писем приблизительно в 4 раза меньше, чем текстов А. Демидова.

Лексикон писем А. Демидова сравнивается с лексикой документов П. Демидова по следующим аспектам: исконная лексика и заимствованная, отношение к заимствованиям; общеупотребительные слова и лексика, ограниченная профессионально (термины и профессионализмы), ограниченная территориально (диалектизмы); общенародная лексика и просторечие.

Лексиконы отца и сына Демидовых весьма разнообразны. В отношении к иноязычной лексике оба автора демонстрируют здравый смысл и логику: заимствования в их текстах обязательные, иногда А. Демидов использует русские аналоги (*аккуратный* – *порядошный*, *аппетит* – *лакомство*, *похлебство*, *близир* – *вид*, *резолуция* – *решение* и под.). Просторечные и разговорные элементы употребляются в текстах обоих авторов наряду с общенародными словами. У А. Демидова отсутствуют обценные слова и выражения, которые есть в письмах П. Демидова. В текстах А. Демидова широко представлена формирующаяся терминология металлургического производства, причем не только заимствования, но и лексемы, созданные средствами родного языка (за счет просторечных, диалектных и даже образных лексических единиц). А. Демидов легко образует термины на основе общеупотребительных слов: *быки* «опоры», *бурундук* «приспособление блок», *лицо* «передняя часть молота», *щеки* «боковые поверхности молота», *плотбище* «места нагрузки плотов», *свинки* «опоры, фундамент» и под. А. Демидов более склонен к индивидуальным словообразованиям по имеющимся в русском языке моделям, а П. Демидов самовыражается за счет стилистических приемов и языковой игры.

Материал писем дает возможность определить особенности словоупотребления А. Демидова как языковой личности, которые становятся наиболее очевидными при сравнении с текстами П. Демидова:

1) отношения к заимствованиям как к необходимым (у А. Демидова, П. Демидова) и одновременный поиск русских аналогов (у А. Демидова);

2) значительная доля терминологической лексики, профессионализмов (у А. Демидова);

3) просторечные и диалектные элементы как ресурс для развития специальной лексики (у А. Демидова) и для характеристики (у А. Демидова и П. Демидова);

4) отсутствие обсценных слов (у А. Демидова) при наличии их у П. Демидова;

5) славянизмы как стилистическое средство (ярче представлено у П. Демидова);

6) частотность определенных слов (у А. Демидова);

7) индивидуальное словотворчество (у А. Демидова и П. Демидова);

8) семантические переосмысления слов или их значений при характеристике или оценке действий, поступков, отношении других людей (у А. Демидова и П. Демидова);

9) владение приемами олицетворения и сравнения при характеристике своих подчиненных (у А. Демидова);

10) языковая игра (у А. Демидова и П. Демидова);

11) связь с фольклорной традицией (в использовании пословиц, поговорок, крылатых выражений и других жанров в текстах) (у А. Демидова и П. Демидова).

А. Демидов в своих документах предстает как человек, способный выбрать языковые средства для реализации своей коммуникативной цели. Его речь индивидуальна и эмоциональна, он может даже пошутить, он строг, дотошен, но справедлив⁴. Тексты, созданные А. Демидовым, выглядят несколько мозаично: в них соседствуют разнородные по происхождению, функции и т. п. элементы и множественные их варианты.

Частотность слов дает представление о максимально и минимально употребительных лексемах в словарных предпочтениях языковой личности, а также возможность вычислить объем лексикона личности (около 6300 единиц) по письменным источникам. Этот аспект рассматривается только на материале писем и распоряжений А. Демидова.

Вопрос о стилистической норме в письмах А. Демидова достаточно сложен: эта норма, очевидно, находится в стадии становления. Отсюда и мозаичность его текстов. В одних текстах (по большей части челобитных, т.е. документах к вышестоящему адресату) автор исполь-

---

⁴ Такой, новый по сравнению с советской историографией, поворот в концепции личности Акинфия Никитича Демидова изложен в: *Черкасова А. С.* «...Чтоб железо делать самым добрым мастерством». Из деловой переписки Акинфия Никитича Демидова // Демидовский временник: Исторический альманах. Кн. I. Екатеринбург, 1994. С. 10–29.

зует значительное число архаизмов всех видов (языковая норма в этих документах строже), в других (частных распоряжениях) – он менее связан официальной общением и употребляет в них практически все доступные ему лексические и стилистические средства, кроме обценных слов. В них обнаруживаются разговорно-просторечные и фольклорные элементы.

Даже деловое письмо не мешает проявлению таких качеств языковой личности, как свободное использование лексико-семантических средств и конструкций, образность мышления. Эти свойства «работают» на коммуникативные задачи – сообщить информацию о заводском производстве, проконтролировать деятельность всех приказчиков, мастеров и рабочих, дать детальные распоряжения по производственным делам. Все языковые возможности используются преимущественно для разговора о деле и подчинены деловому общению в широком смысле.

Таким образом, А. Демидов как языковая личность свободно владеет лексическим и стилистическим богатством русского языка первой половины XVIII в. Он остро чувствует одну из черт языковой ситуации рубежа XVII–XVIII вв. – большое число заимствований из западноевропейских языков, осознает ограниченность письменного текста, о чем свидетельствует отсутствие аргоизмов и жаргонизмов в его письмах и распоряжениях. Частотный показатель говорит о производственной направленности его текстов, с одной стороны, и о знании правил составления определенных видов документов, например, челобитных – с другой. Демидов способен выразить лексическими средствами различные чувства и эмоции (радость, удовлетворение, недовольство, огорчение).

А. Демидов – творческая языковая личность, склонен к **индивидуальному словообразованию**. При этом, как правило, он опирается на реальные языковые модели: *легкогулер* («человек, который легко переходит с места на место»), *никольщина* / *микольщина* («пьянство, загул, похмелье»), *нестрашливец* («бесстрашный человек»), *звениха* («цепь»), *яблеватый* («прихваченный морозом»), *неблагодарник* («неблагодарный человек») и под. Называя *платьем* кору деревьев, он использует готовую форму (слово) и применяет его к нестандартной внеязыковой ситуации. Иногда А. Демидов создает лексемы, используемые как синонимы для выражения близких смыслов. Например, *шатун* («праздношатающийся человек без документов») и *беспашпортный* («человек без паспорта или каких-либо документов»).

Исследуемая языковая личность обладает определенным языковым чутьем, автор достаточно разнообразен в выражении своих мыслей, хотя приказания по своей сути и не могут быть витиеватыми, они

должны быть понятны адресату. Формульность документов в выше-стоящие инстанции также требовала однотипности оформления. По его письмам видно, что его приказание выполнялись далеко не сразу и ему приходилось повторять их. В таких ситуациях он не может удержаться от иронии, а иногда и от сарказма: «Я слышал в'истории у'Кирилы Да-ниловича: звать зять тещу к'себ @ в'гости к'празнику ко'Христову дни [март–апрель], а'она к'нему приехала к'Петрову дни [июнь], а'между темъ все збиралас да'наряжалас, а'н[ы]н @ прилеществуетъ к'тому и'ваше здорovie к'часовой колоколни наряжаестьс копать ямы после Семенова дни [сентябрь], а'я вам о'томъ нарядъ отдадь прежде Хри-стова дни...» (07.05.1741).

Письма **П. Демидова** обнаруживают в авторе зрелую языковую личность, со вниманием, но в то же время с большой степенью свободы относящуюся к становящейся норме русского литературного языка. Он владеет приемами индивидуализации своей письменной речи, обнаруживает способности к языковой игре, а также к психологическому анализу языковой системы и собственной позиции говорящего (пишущего) в ней, умеет передать чувства и оттенки своего настроения. В то же время письма свидетельствуют о том, что уже кодифицированные орфографические и грамматические нормы русского литературного языка еще не стали обязательными для грамотных людей той поры.

Учитывая все вышесказанное, попытаемся сравнить отца и сына в языковом плане. **А. Демидову** главное иметь максимально точное знание о производственной ситуации и дать конкретные, подробные указания, касающиеся определенного аспекта деятельности, **П. Демидову** – высказаться и быть услышанным и оригинальным. Отца и сына роднит творческий подход в выборе языковых средств воплощения своих различных установок: в их текстах отражается богатство родного языка, оба автора употребляют заимствования, термины, диалектизмы, просторечия, церковнославянизмы, владеют различными стилями (деловым, разговорным, фольклорным **А. Демидов**, разговорным и фольклорным **П. Демидов**). Своего рода семейной традицией можно считать склонность к пословицам, поговоркам, ярким сравнениям и образам у обоих авторов. Индивидуальность и яркость речи обнаруживаются в двух типах источников, только в разной степени, что, на наш взгляд, обусловлено несовпадением типов этих источников, а также личностными особенностями.

В **заключении** обобщаются результаты исследования и намечаются перспективы в разработке заявленной темы. Характеризуя А. Н. Демидова как языковую личность эпохи становления литературной языковой нормы, можно отметить следующие его черты.

1. А. Демидов как языковая личность склонен к сохранению языковой традиции, но по прагматической причине (быть понятым и услышанным) лояльно относится к языковым новациям. Степень реакции его на норму различна: на фонетическом уровне следование традиции письма максимально.

2. На морфологическом уровне А. Демидов употребляет архаичные (в том числе церковнославянские) формы наряду с новыми, на синтаксическом уровне А. Демидов как языковая личность более новационен, его синтаксис отражает особенности живой разговорной речи.

3. На лексическом уровне А. Демидов как языковая личность проявляется максимально, с максимальной степенью свободы в реализации своих творческих возможностей. В авторских текстах широко распространена образная лексика, которая является новацией, а также индивидуальное словотворчество.

4. Прагматизм выражается в поиске некоего баланса между языковыми традициями и новациями, неизбежно происходящими в языке в первой половине XVIII в. А. Демидов употребляет архаичные грамматические формы наряду с новыми и методично использует языковые модели в качестве базовых при создании новых слов. В условиях формирования русского литературного языка А. Демидов как языковая личность вынужден опираться на традицию (письма и грамматики) и одновременно руководствоваться собственным языковым чутьем, интуицией и лингвистическим опытом.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Статья, опубликованная в ведущем рецензируемом научном журнале:

1. *Иванова Е. Н.* Языковая личность XVIII в.: Акинфий и Прокофий Демидовы / Е. Н. Иванова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». – Вып. 13. – 2007. № 49. – С. 222–231.

Другие публикации:

2. *Иванова Е. Н.* Распоряжения Акинфия Никитича Демидова как факт истории русского языка (на примере заимствований из западноевропейских языков) / Е. Н. Иванова // Альманах Международного Демидовского Фонда. – Вып. 2. – М. : Издательский центр «Классика», 2003. – С. 17–20.

3. *Иванова Е. Н.* Акинфий Никитич Демидов как языковая личность (семантико-стилистические особенности) / Е. Н. Иванова // LINGUIS-

TICA JUVENIS. Язык и культура : сб. научных трудов молодых ученых. – Вып. 7. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. университета, 2006. – С. 103–108.

4. *Иванова Е. Н.* – С. Формирование терминосистемы металлургического производства в первой половине XVIII в. (на материале писем и распоряжений А. Н. Демидова / Е. Н. Иванова // Демидовы и культура : сб. статей. – Екатеринбург : Демидовский институт, 2007. – С. 54–58.

5. *Иванова Е. Н.* Антропонимы в письмах и распоряжениях А. Н. Демидова / Е. Н. Иванова // Ономастика и диалектная лексика. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 146–152.

Подписано в печать 28.12.2007. Формат 60X84 1/16

Бумага для множительных аппаратов.

Усл.-печ. л. 1,1 . Тираж 110 экз.

Отпечатано на ризографе в ООО «Таймер-КЦ».

Екатеринбург, Сибирский тракт, 3–301